33

1083

Херасков, М.

ОИК XVIII в
осн
89 3/20

Чесменской бой въ 5-ти пѣсняхъ, соч. М. Хераскова. СПб. Въ т. Академіи наукъ, 1771 года, in 8.

№ 22

ПАВЛА ВАСИЛЬЕВИЧА БИБЛIОТЕКА ЩАПОВА

ЧЕСМЕССКIЙ БОЙ,

ПОЕМА.

ЗАМЕНЕНА

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 372875
„ “ 193 г.

СІЯТЕЛЬНѢЙШЕМУ ГРАФУ

Григорью Григорьевичу

ОРЛОВУ,

ГЕНЕРАЛУ ФЕЛЬДЦЕЙГМЕЙСТЕРУ,

надъ Фортификаціями

ГЕНЕРАЛЪ-ДИРЕКТОРУ,

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТУ,

Кавалергардскаго корпуса Шефу, дѣйствительному Камергеру, лейбгвардіи Коннаго полку Подполковнику, канцеляріи Опекунства иностранныхъ Президенту, обоихъ Россійскихъ орденовъ и святыя Анны

КАВАЛЕРУ.

СІЯТЕЛЬНѢЙШІЙ ГРАФЪ,

Милостивый Государь!

Священное дружество и братство, соединяющія Васъ со истребителями страшнаго Турецкаго флота: съ сими героями, которымъ вся Европа удивляется; великое участіе, которое Ваше Сіятельство сами въ семъ великомъ предпріятіи имѣли; способы, которыя Вы, споспѣшествуя моему труду, мнѣ подали: все сіе обязываетъ меня посвятить сіе сочиненіе имени Вашего Сіятельства.

Прочитавъ мои стихи, Ваше Сіятельство можете усмотрѣть далеко ли отступилъ я отъ подлинности. Вамъ больше всѣхъ обстоятельства сего славнаго произшествія извѣстны; и я щастливымъ себя почту, ежели пѣніе мое хотя нѣсколько громкой славѣ героевъ нашихъ уподобится.

Здѣсь

Здѣсь говоритъ истинна устами ревностнаго сына отечества, который восхищенъ его славой.

Я прежде воспѣвалъ Россiйской славы громы,
Въ моемъ отечествѣ цвѣтущу тишину;
Теперь лечу съ трубой въ предѣлы незнакомы
Гласити бурный огнь, кровавую войну.
Но что бы сдѣлалъ я съ гремящею трубою,
Когда бы сей мнѣ путь не явленъ былъ Тобою?

ВАШЕГО ГРАФСКАГО СIЯТЕЛЬСТВА,

Милостиваго Государя,

всепокорнѣйшiй слуга

МИХАЙЛА ХЕРАСКОВЪ.

ПѢСНЬ I.

Пою морскую брань потомки ради васъ,
Которая во всей вселенной славитъ насъ.
Не нужны мнѣ цвѣты, и музы тамъ безгласны,
Гдѣ славныя дѣла собою сами ясны.
Отвсюду мещетъ громъ Россїя на враговъ.
Нѣтъ моря, града нѣтъ, нѣтъ рѣкъ, ни острововъ,
Гдѣбъ слава о тебѣ Россїя не летала,
И новыхъ для тебя вѣнцовъ не сплетала.
Свидѣтель дѣлъ твоихъ, успѣховъ и побѣдъ,
Паденїя Срацинъ свидѣтель цѣлый свѣтъ.
Не басни воспѣвать моя стремится лира;
Вѣщанїе пою всего пространна мїра;
Когда же въ сихъ стихахъ цвѣты какїя есть,
Такъ ихъ разсыпало усердїе не лесть.
Люблю отечество, люблю и славу нашу;
Не ей придамъ красы; но ею пѣснь украшу.
Съ гремящей лирою къ парнасу полечу;
Внимайте музы мнѣ, Россїянъ пѣть хочу!
Ко ободренїю имѣя мысль едину,
Что можетъ все воспѣть, кто пѣлъ ЕКАТЕРИНУ.

Повѣдай истинна сраженїя вину,
За что разторгли два народа тишину?

Не солнце ли одни у протчихъ похищаютъ?
Не море ли отъ ихъ предѣловъ отвращаютъ?
Не заражаютъ ли вселенную они?
Притчины битвъ и ссоръ достойны тѣ одни.
Природа во своемъ порядкѣ остается;
Но страждетъ Грецïя, тамъ кровь рѣкой лïется.
Отъ Грековъ отлученъ прекрасный солнца свѣтъ;
Печаль въ домахъ у нихъ, боязнь въ сердцахъ живетъ.
Имъ въ горечь рѣкъ струи Срацины претворили;
Которыя востокъ подъ иго покорили.

Во славѣ гдѣ сïялъ, о Боже! Твой законъ,
Премудрость на столпахъ возставила свой тронъ;
Гдѣ благочестïю Ты область далъ пространну;
Гдѣ правда вознесла главу свою вѣнчанну;
Гдѣ музъ божественныхъ услышанъ первый гласъ;
Въ сïяньяхъ солнечныхъ, гдѣ прежде цвѣлъ Парнасъ;
Въ странѣ, исполненной великихъ намъ примѣровъ;
Въ отечествѣ боговъ, Ликурговъ и Гомеровъ;
Не пѣсни сладкïя воспѣваютъ музы днесь,
Парнасъ травой заросъ, опустошился весь.
Герои славныя въ Афинахъ не родятся;
Во Спартѣ древнïя законы не твердятся;
Ефратскихъ жителей оружïя молчатъ;
На Грекахъ тяжкïя оковы тамъ звучатъ;
Святыя зданïя въ пустыни превращенны;
Изъ материныхъ рукъ ихъ дщери похищенны;
Въ чужихъ рукахъ теперь Ахейскïй древнïй градъ,
Гдѣ зрѣли рай они, тамъ нынѣ видятъ адъ.
Въ оковахъ старики подъемлютъ къ небу руки;
Свирѣпство, звѣрство тамъ. Гдѣ церковь! гдѣ науки!

Раз-

Разрушился престолъ и зданій красота.
Облегъ свирѣпый змій священныя мѣста.
Ни воплю страждущихъ, ни стону ихъ не внемлетъ;
Ужасную главу на встокѣ онъ подъемлетъ,
Пространству радуясь объятыхъ имъ границъ;
Слезами веселясь и блѣдностію лицъ,
Еще не чувствуетъ людей тѣснимыхъ бѣдства.
Для варварской души въ злодѣйствахъ нѣтъ посредства!
Увидя Грецію упадшую предъ нимъ,
Щитаетъ цѣлый міръ подножіемъ своимъ;
И мнитъ: коль есть Цари на свѣтѣ семъ другія,
То щедрости его обязаны такія.
Успѣхомъ обуявъ и гордостью своей,
Поставилъ самъ себя вселенной судіей.
Свирѣпости своей препятствія не чаетъ,
И полночь во свою державу онъ включаетъ:
Союзъ, святый союзъ съ Россіей нарушелъ;
Обрѣсковъ правъ своихъ и вольности лишенъ.

Тогда кровавая война отъ странъ восточныхъ
Летитъ, касаяся предѣловъ полуночныхъ.
Въ рукѣ свирѣпый мечь и пламенникъ несетъ;
Пожары, смерть и гладъ текутъ за нею въ слѣдъ;
Пустѣютъ жатвы въ кругъ и зданія дымятся,
И свѣтлы небеса згущенной пылью тмятся.
Повсюду слышенъ вопль, рѣками кровь течетъ;
Ужасныхъ Евменидъ съ собой она влечетъ.
Какъ бурныхъ вѣтровъ бѣгъ далеко въ Понтѣ внемлютъ,
Когда они валы во глубинѣ подъемлютъ;

Или отъемлющихъ прекрасна солнца лучь,
Разъигрывается громъ въ нѣдрѣ мрачныхъ тучь:
Такъ шумъ издалека и топотъ раздается
Въ окрестныхъ областяхъ, куда война несется.
Изображенїе свирѣпости ее:
Изъ алчныхъ челюстей кровь каплетъ у нее.
Сїе увидя вся Европа задрожала;
Россїя двигнулась и бурю удержала.
Желающа весь свѣтъ въ безсилїе привесть,
Давно бы безъ того торжествовала лесть;
И услажденныя всеобщею войною,
Лилеи бы сплелись съ кровавою луною.
Подъемлется толпа Срацынъ, какъ прахъ густой,
На полночь клонится: о дерзскїй родъ, постой!
Поднявъ свою главу въ зеленыхъ лаврахъ новыхъ,
Отечество мое у береговъ Днепровыхъ,
На скипетръ опершись къ тебѣ спокойно зритъ;
Горъ Кїевскихъ оно съ вершины говоритъ:
„ Не Грековъ здѣсь ищи, не Царства ихъ другова,
„ Что вышняго искавъ лишилися земнова.
„ Мы жаждемъ въ вѣчности взаимнаго вѣнца:
„ Но здѣсь Россїйскїя, не Гречески серца;
„ Мы въ помощь небеса во браняхъ приглашаемъ;
„ Но храбростью своей ихъ помощь довершаемъ.
„ Отечество спасать въ пустыни не течемъ:
„ Спасаемъ мужествомъ искуствомъ и мечемъ.
„ Въ опасности Его престолъ бы окружили,
„ И прежде бы главы, чемъ копья положили.
„ За братїевъ своихъ лить кровь и побѣждать,
„ Щитаемъ святость въ томъ и нашу благодать.

„ Здѣсь

„ Здѣсь древнихъ Скифовъ родъ, сїяетъ въ полномъ цвѣтѣ,
„ Который славою давно гремитъ во свѣтѣ:
„ Ты весь противъ меня востокъ вооружилъ,
„ На войски многїя надежду положилъ;
„ А мы на храбрости надежду основали.
„ Когдабъ одни полки побѣды даровали:
„ Давнобъ раздался здѣсь трубы военной гласъ,
„ На Марсовы поля повлекъ бы вскорѣ насъ;
„ И земледѣльческибъ преобратились руки,
„ Въ военны подвиги, ихъ пѣсни славы въ звуки;
„ Но мы оставили на мирномъ полѣ ихъ,
„ Раченїе имѣть о житницахъ своихъ;
„ По селамъ и лугамъ ихъ пѣсни раздаются.
„ Не многи воины со мною разстаются!
„ Какъ будто нѣтъ войны и тишина цвѣтетъ;
„ Намъ слава за Днепромъ вѣнцы свои плететъ;
„ А здѣсь любезный миръ, украшенный цвѣтами,
„ Любуется вездѣ обильными мѣстами;
„ На посохъ опершись, возводитъ тихїй взоръ,
„ На тучности долинъ, и на зеленость горъ;
„ На класы желтыя, на паствы, на оливы;
„ Извнѣ имѣя брань мы внутрь себя щасливы.
„ Когда почувствуемъ, что съ вами брань идетъ,
„ Почувствуемъ сїе по торжествамъ побѣдъ;
„ Такъ всякая страна щасливой наречется,
„ Въ которой мудрый Царь о подданныхъ печется.

Сїе Россїя вся, Срацины, вамъ речетъ;
Но тигръ разсвирѣпѣвъ на страшный мечь течетъ,
На персяхъ у себя онъ язвы зритъ глубоки,
И крови собственной бѣгущи пьетъ потоки,

Лиша-

Лишаясь силЪ, еще ко брани устремленЪ:
ТѣмЪ паче злобствуетЪ чемЪ больше изЪязвленЪ.
Такою намЪ себя Турецїя являетЪ ;
Она вЪ крови тонувЪ, войну усугубляетЪ.

Полночной славы гласЪ во всѣхЪ мѣстахЪ гремитЪ,
ДрузьямЪ РоссїйскимЪ вЪ честь, ее злодѣямЪ вЪ стыдЪ.
Зрю множество путей трофеями покрытыхЪ,
И шествїе по нихЪ героевЪ знаменитыхЪ.

Творили вЪ древности волшебствомЪ чудеса,
На помощь приглася и адЪ и небеса ;
Не солнце вЪ наши дни вЪ пути остановляютЪ ;
Не горы каменны на горы возставляютЪ :
Россїя мужествомЪ гремящая средь водЪ,
ИзЪ флота малаго другой раждаетЪ флотЪ ;
Летающи суда изЪ нѣдрЪ его выходятЪ *,
Во удивленїе вселенную приводятЪ :
Европа не дивись на наши зря дѣла :
Полночный скипетрЪ здѣсь Минерва приняла ;
Она сЪ державою ликуетЪ на престолѣ ;
ЕКАТЕРИНА здѣсь и не скажу я болѣ !
О славѣ дѣлЪ Ея вездѣ пронесся слухЪ ;
ПредшествуетЪ вЪ моряхЪ Ее героямЪ духЪ,
Премудростью Себя Она во свѣтѣ славитЪ ;
Минерва ли себѣ дивиться не заставитЪ !

Напрасной храбростью сообщники горятЪ ;
Полночныя орлы уже кЪ лунѣ парятЪ,

ПодЪ

---

* Россїйскїй флотЪ имѣлЪ сЪ собою готовыя легкїя суда, которыя вЪ СредиземномЪ морѣ выпустилЪ на воду.

Подъ крылїями ихъ глава ее темнѣетъ,
Погибельная лесть какъ лилїя блѣднѣетъ.
Являются вездѣ Россїйскїя полки;
Не страшны горы имъ, моря не глубоки,
Не тяжекъ зной, ни хладъ; для Россовъ нѣтъ препоны;
Выходятъ новыя Байярды и * Крильїоны;
Изображаются уже знамена ихъ;
Бунтующїй Дунай теперь въ струяхъ твоихъ;
Отторгнуты твои пространныя предѣлы;
Стамбулъ, вокругъ тебя падутъ громовы стрѣлы;
Къ погибели твоей единъ остался шагъ;
Колѣна преклонилъ свои Архипелагъ,
И лавры отдаетъ Лакедемонцамъ новымъ **,
Текущимъ по слѣдамъ за славою Орловымъ.

Не грады изчислять, не емлемую дань,
О муза! пѣть хочу Чесмесску въ морѣ брань;
Въ безсмертїе ее вселенная включаетъ:
Она безсмертїемъ и пѣснь мою вѣнчаетъ.

ПѢСНЬ

* Славныя Французскїя полководцы.

** Покоренїе Архипелага всему свѣту извѣстно; храбрость нашихъ героевъ всякїя похвалы превосходитъ; и должно одинъ разъ для всего сочиненїя моего сказать: что все въ немъ написанное, есть живая истинна, изключая стихотворныхъ украшенїй, которыя всякїй благоразумный читатель легко отличить можетъ. Весь остатокъ расположенъ, по точнымъ извѣстїямъ, полученнымъ изъ самыхъ вѣрнѣйшихъ рукъ; и по самымъ словамъ, которыя сочинитель щастїе имѣлъ слышать отъ воспѣваемыхъ имъ героевъ.

ПѢСНЬ II.

Возстань пѣвецъ боговъ, великїй мужъ возстань,
Возри на славную Омиръ Чесмесску брань:
Ты древнихъ въ памяти героевъ намъ оставилъ,
Которыхъ на своей священной лирѣ славилъ;
Раждаетъ таковыхъ Россїйская страна,
Къ спасенью Грецїи и въ поздны времяна.

Непохищенную Троянами Елену,
Подвиглась Азїя изторгнути изъ плѣну;
Не за супружнюю вступаяся любовь,
Лїютъ Россїяне свою и вражью кровь;
Такой свирѣпости герои не питаютъ,
Которы во странахъ полночныхъ обитаютъ.
Любовь къ отечеству, любовь къ друзьямъ своимъ,
То боги ихъ, и то едина слава имъ;
Благопрїятствуетъ имъ храбрость и судьбина;
Россїя въ мысляхъ ихъ, въ серцахъ ЕКАТЕРИНА;
Такїя божества имѣя при себѣ,
На помощь, Грецїя, текутъ они къ тебѣ.
Великїй Океянъ главу свою подъемлетъ,
И новы имяна въ предѣлахъ бурныхъ внемлетъ,
Которы возшумя отъ Невскихъ береговъ,
До древнихъ Греческихъ промчались острововъ.

Не-

Неосторожныя Срацины гдѣ не чаютъ,
Вездѣ Россійскій мечь и славу ихъ встрѣчаютъ;
Со всѣхъ сторонъ Стамбулъ полночный слышитъ громъ,
И зритъ стада орловъ, летающихъ кругомъ.

Трепещущій Босфоръ какъ нѣкіимъ оплотомъ,
Стремится удержать Россіянъ сильнымъ флотомъ.
Бѣги Срацинскій флотъ всю Азію тревожь,
Бѣги и наши ты побѣды приумножь.
О родъ! трепещущій отъ Росскаго Перуна,
Бывъ Марсу жертвою, будь жертвой и Нептуна.

Уже съ волнами слухъ на Понтѣ возшумѣлъ,
Что страшный вышелъ флотъ изъ устья Дарданелъ;
На крыльяхъ страхъ разнесъ, повсюду вѣсть такую;
Тритоны прячутся во глубину морскую,
Не смѣютъ выглянуть Найяды изъ пещеръ;
Боязнь Турецкій флотъ по всѣмъ морямъ простеръ;
Кровавую луну изображаютъ волны;
Нереиды въ волнахъ тоски и страха полны;
Остановилися морскія вѣтры тутъ;
Одни Россіяне противъ Срацинъ текутъ;
Оставя буйную и наглую Морею,
Вручаютъ славу, жизнь, и мужество борею,
Ни вѣтры, ни моря не могутъ утушить
Горящей храбрости, и Россовъ устрашить.
Турецкихъ силъ число повсюду страхъ сугубитъ,
Свирѣпство, смерть, войну, бѣды, напасти трубитъ,
Онъ громъ и молніи въ кипящій Понтъ несетъ;
Но буря въ Греціи сильняе возстаетъ:
Тамъ носитъ варварство мечь, пламень и оковы,
Усугубляется грабежь и дани новы.

Усли-

Услыша жители войны свирѣпый гласъ,
Вѣщаютъ: се насталъ послѣднiй жизни часъ.
Какъ будто къ нимъ падутъ Юпитеровы громы,
Оставили они Срацинамъ въ жертву домы;
Другихъ, какъ будто бы лишалъ движенья страхъ,
Рыдая при своихъ лежатъ они вратахъ;
Тамъ старцы по лѣсамъ къ звѣрямъ свирѣпымъ скрылись,
Прекрасны зданiя въ пустыни претворились.
Въ объятiяхъ сыны трепещутъ у отца,
Онъ руки возводя къ селенiямъ Творца,
Вѣнцемъ дѣтей своихъ небеснымъ утѣшаетъ,
Ихъ лица блѣдныя слезами орошаетъ.
Родительскихъ гробницъ гражданинъ прочь течетъ;
Уходятъ жители, куда ихъ страхъ влечетъ;
Супругъ съ супругою прощается рыдая;
Младенцы вопiютъ кончины ожидая;
Отъемлется отецъ отъ ихъ любезныхъ чадъ,
Сыны отъ матерей; насильства, бѣдность, гладъ,
Вездѣ свирѣпствуютъ и руки обагряютъ;
Невинность, красоту, и младость презираютъ.
Кому спасати ихъ? кому отмщать врагамъ?
Россiяне! Перунъ вручило небо вамъ.

О вы! которыя вѣнчаете героевъ,
Пѣвицы тишины, пѣвицы страшныхъ боевъ:
Вамъ славы Россiя вездѣ прiятенъ слухъ,
Подайте силы мнѣ, воспламените духъ!
Вы музы истинну вѣщать всегда любили,
Свидѣтельницы вы Чесмесской брани были;

Скажите нашихъ мнѣ героевъ имяна,
Достойны въ поздныя достигнуть времена;
Повѣдайте о нихъ мнѣ громкими словами!
Я вижу флотъ; туда перенесенъ я вами!
Является въ дали мнѣ Марсово лице:
Конечно то Орловъ? Въ геройскомъ онъ вѣнцѣ!
Спокойство на челѣ его изображенно;
Но серце храбростью и славою разженно,
Перунъ въ его рукѣ, и кротость во очахъ;
Се другъ отечества, его злодѣевъ страхъ!
Не лесть фортунѣ здѣсь плететъ вѣнцы лавровы;
О васъ извѣстенъ свѣтъ; о! храбрыя Орловы;
Когда завистники у васъ какїя есть,
Пускай дерзнутъ глаза на васъ они возвесть,
Когда вы въ Понтѣ страхъ и смерть пренебрегали,
И за отечество животъ свой полагали;
Когда противу васъ стремился огнь и мечь.
Какая нужда васъ могла въ опасность влечь!
Чины, сокровища, героевъ награжденье,
Давно имѣете заслугъ во уваженье;
Давно фортуна вамъ вѣнецъ свой подала,
И вѣрность черезъ то къ МОНАРХИНѢ почла.
Изъ храма щастїя, въ свои цвѣтущи лѣта,
Когда веселости сердцамъ прїятны свѣта,
Стремится проливать свою во брани кровь,
Не то ли самая къ отечеству любовь!
Достойны за сїе вѣнцевъ они лавровыхъ;
Двухъ братьевъ таковыхъ имѣлъ нашъ флотъ Орловыхъ.
Та дружба, кая свѣтъ оставила давно,
Пылая въ нихъ, ко всѣмъ являлася равно.

На помощь данныя герои Алексѣю,
Казались въ корабляхъ единою семьею;
О! вы участники преславныхъ въ свѣтѣ дѣлъ,
Не страхомъ править васъ, но дружбой онъ умѣлъ;
Единымъ именемъ вы только возбужденны:
Что вы Россїяне и побѣждать рожденны.
Соединилися Периклъ и Сципїонъ;
Въ Орловѣ вижу ихъ; и флотомъ правитъ онъ.
Феодоръ красотой и младостью цвѣтущїй,
И первый мужества примѣры подающїй,
Съ Евстафїемъ летѣлъ въ Нептуновы поля;
Спиридовъ былъ сего начальникъ корабля,
Усердный къ Богу мужъ, покрытый сѣдинами,
Отъ младости своей борющїйся съ волнами;
Желаетъ дни свои во свѣтѣ продолжить,
Чтобъ ихъ за щедрости Монарши положить.
Но ты младый герой уйми свое стремленье,
Отважности и страхъ твое увеселенье,
Увеселенїе ты братїевъ твоихъ;
Жалѣй Орловъ, жалѣй цвѣтущихъ дней своихъ.
Сїе небесными сїяя красотами,
Тебѣ родство гласитъ усердными устами;
Оно души твоей прїятности любя,
Въ моряхъ, и на земли летаетъ вкругъ тебя.
Фемису огорчилъ, ты храмъ ее оставя,
Опасность ей навелъ себя при Чесмѣ славя.
За тайну музы мнѣ сказали о тебѣ,
Что смерть геройскую ты ставишь въ честь себѣ;
Но жизнь геройская полезняе для свѣта;
Весна твоя цвѣтетъ, не тьми прекрасна лѣта.

Дру-

Другія качествамъ дороги есть твоимъ.
Но въ морѣ онъ летитъ, и Князь Козловскій съ нимъ!
О! ты питомецъ музъ, на что тебѣ Беллона,
Когда лежалъ твой путь ко храму Апполона?
На что война тебѣ, на что оружій громъ?
Воюй ты не мечемъ, но чистыхъ музъ перомъ;
Тебя родитель твой и други ожидаютъ,
А музы надъ тобой летающи рыдаютъ;
Но рокъ положенъ твой, не льзя его прейти,
Прости дражайшій другъ, на вѣки ты прости.
Со знаменіемъ въ путь Россійскихъ текъ Монарховъ;
На легкомъ караблѣ Орловъ Трехъ Іерарховъ;
Средземныя валы безстрашно разбивалъ,
Морямъ и вѣтрамъ онъ на немъ повелѣвалъ;
Искусный Грейкъ при немъ, геройскихъ дѣлъ свидѣтель,
Въ лицѣ своемъ являлъ честь, храбрость, добродѣтель;
На истиннѣ его основанъ былъ совѣтъ;
Во всѣхъ достоинства любити долженъ свѣтъ.
На Растиславѣ плылъ безстрашный Долгорукой,
И храбрости его пространный свѣтъ порукой.
Крузъ * мужествомъ своимъ героевъ удивлялъ,
Онъ брань съ Срацинами забавой поставлялъ.
А вы, которыхъ здѣсь въ стихахъ не вспоминаю,
Простите скромность мнѣ, я вашихъ свойствъ не знаю;
И ваши качества конечно уменшу,
Когда не зная васъ на лирѣ возглашу;

 Но

---

* Или Крюйзъ.

Но Музы вашихъ дѣлъ въ забвеньѣ не оставятъ,
И ваши имяна, какъ прочїя прославятъ.
Начальникъ вашъ почтилъ геройскимъ васъ вѣнцемъ,
Передъ Монаршескимъ онъ славилъ васъ лицемъ.
О вашей храбрости почти неимовѣрной,
Я самъ свидѣтель словъ его нелицемѣрной.

Несется по верьхамъ Нептуновыхъ полей,
Не многое число Россїйскихъ кораблей;
Но храбростью мужей изъ глазъ геройскихъ зримой,
Казался малый флотъ, сей флотъ непобѣдимой.
Гремяща слава имъ предшествуетъ съ трубой,
Вѣщая: „громъ несутъ Россїяне съ собой,
„Смиряйте дерзкїя серца Гиганты новы;
„Съ Перунами на васъ готовятся Орловы.

Сей гласъ, сей громкїй гласъ повсюду проходилъ;
Афины древнїя, и Трою возбудилъ,
Изображающи превратность щастья грады.
Тамъ кажется встаютъ Гекторы, Мильтїяды,
Отмщенїе горитъ въ ихъ пламенныхъ очахъ,
Что царства ихъ бѣдой и ихъ поруганъ прахъ;
Ахъ! спите въ вѣчности, герои сладко спите,
Россїянамъ за васъ отмщенье уступите;
Въ Орловыхъ видитъ васъ воскресшихъ нынѣ свѣтъ,
Въ нихъ слава вашихъ странъ и ваша оживетъ;
Увидитъ Грецїя Парнасъ возобновленный,
Полночной щедростью Минервы оживленный.
Ужъ храбрость начала являтися въ серцахъ,
Почти умершая въ неволѣ и цепяхъ;

Рос-

Россійскихъ грому трубъ вздремавши Греки внемлютъ,
Текутъ противъ Срацинъ *, оружїе пріемлютъ;
Геройство древнее явилось въ ихъ лицѣ,
Дерзаютъ помышлять о Марсовомъ вѣнцѣ.

Уже безстрашные Російски Аргонаты,
Оставя смутныя Морейскїя развраты,
Турецкимъ кораблямъ во срѣтенье текутъ,
Которы за собой всѣ силы въ Понтъ влекутъ.
Вскипѣла въ кругъ вода подъ ихъ судами вскорѣ,
Какъ плавающїй лѣсъ являлись мачты въ морѣ;
Какъ бѣлыя шатры несомы по волнамъ,
Представились въ дали ихъ парусы очамъ.
Увидѣть страшное военныхъ дѣлъ рѣшенье,
Казалось боги всѣ приходятъ на сраженье;
Ужасны фурїи участницы войны,
Текутъ на корабли съ Турецкой стороны:
Тамъ смерть блѣднѣюща, тамъ ужасъ, тамъ отрава.
Съ Россійской стороны, Минерва, Марсъ, и слава,
Премудрость воинамъ и храбрость подаютъ,
Уже они вѣнцы героямъ нашимъ вьютъ.

 ПѢСНЬ

---

* Нѣкоторые Греки приняли противу Турокъ оружїе и отмѣнную храбрость оказывали.

......
*

ПѢСНЬ III.

Какъ пламенна гора въ сходящѣ солнцѣ блещетъ,
Кровавыя лучи въ средьземны волны мещетъ,
И Понту бурному, какъ будто говоритъ:
Что вскорѣ въ воду кровь сраженье претворитъ.
Кипящія валы при устьяхъ шумъ подъемлютъ,
Они стремленіе обѣихъ флотовъ внемлютъ;
Бѣлѣютъ паруса Турецкіе въ дали;
Уже встрѣчаются имъ наши корабли.
Уже геройскій духъ горитъ въ Орлахъ Россійскихъ,
Слетаются они съ луной въ струяхъ Свійскихъ.
Какъ страшный нѣкій змій простершись по валамъ,
Главой примкнулъ ихъ флотъ къ Чесмесскимъ берегамъ;
Другую часть простеръ до каменистой мѣли;
Гдѣ волны бурныя кругомъ его шумѣли;
О! Россы! Россы! вамъ казалося въ сей часъ,
Что въ морѣ двигнулась вся Азія на васъ,
Что паки вышелъ Ксерксъ на древнія Афины;
Но прежней у бреговъ дождется онъ судьбины.
Въ три краты *извившись флотъ сильный на волнахъ,
Возмогъ бы всѣмъ навесть отчаянье и страхъ;
Обра-

* Турецкій флотъ, состоящій изъ множества судовъ, въ три ряда былъ устроенъ.

Обратный въ морѣ путь во флотѣ бы трубили,
Когдабъ другія то, не вы о! Россы были:
Опасность зримая и множество враговъ,
И нашихъ малое количество судовъ,
Ни бодрости сердца ни жару не лишили;
Сумнѣнья самыя отважность имъ внушили.

Ужъ солнце третью часть вселенной протекло
И черны облака къ себѣ оно влекло,
Дабы сокрыть отъ глазъ волнующеся морѣ,
Которо въ страшный адъ преобратится вскорѣ.
Россіяне текутъ къ оружіямъ своимъ,
Противна медленность, а не сраженье имъ.
Борей который страхъ въ пучинѣ бурной сѣетъ,
Уста разпространивъ въ Россійски флаги вѣетъ,
И предвѣщаніе побѣды сдѣлавъ имъ,
Къ Срацинамъ страхъ понесъ, понесъ огонь и дымъ.
Се знакъ, громовый знакъ къ осадѣ раздается,
И повтореньями въ Турецкій флотъ несется;
Тогда отъ ихъ судовъ ужасный вопль возсталъ,
И флотъ ихъ двигнувшись въ пучинѣ возстеналъ
Онъ пѣну за собой оставилъ тамъ кроваву,
Предвозвѣщая тѣмъ ихъ гибнущую славу.
Какъ тучи бурныя стремясь другъ дружку стерть,
Изъ мрачныхъ нѣдръ своихъ бросаютъ огнь и смерть;
Такъ флоты молніей и громомъ вооруженны,
Стеклися равною свирѣпостью разженны.
Теченье кажется природы прервалось,
Простерла руки смерть, сраженье началось.

Фортуна въ облака оттолѣ улетаетъ,
Что дѣла для себя она не обрѣтаетъ;

Не требуютЪ ее Россїяне вѣнца;
Не нужно щастье имЪ, но храбрыя сердца,
ОтЪ нихЪ Россїяне прямаго ждутЪ геройства;
Фортуна не войны богиня ты спокойства.

Тогда со всѣхЪ сторонЪ громЪ страшный возгремѣлЪ;
И ПонтЪ внимая звукЪ оружїй заревѣлЪ;
ВЪ дыму и вЪ пламени слетѣлись флоты оба;
Отверзла хладна смерть межЪ ними двери гроба;
Но смерть ужасная РоссїянЪ не страшитЪ,
И кажется сама отЪ нихЪ кЪ врагамЪ спѣшитЪ.
Ужасны молнїи среди судовЪ явились,
И будто вЪ воздухѣ они остановились,
Толь часто огнь во слѣдЪ другому успѣвалЪ,
ИзЪ мѣдныхЪ челюстей который воздухЪ рвалЪ
Явилась вЪ облакахЪ Беллона сЪ громкой славой;
ИзторгЪ свой мечь, летитЪ кЪ сраженью МарсЪ кровавой;
Багрѣютъ вЪ кругЪ судовЪ кипящїя струи.
О! брань, погибельны вездѣ слѣды твои;
Преобратилося пространно море адомЪ;
Покрылись корабли: и стрѣлЪ и пулей градомЪ;
Несущи ядра смерть по воздуху свистятЪ,
И гаснетЪ тамо жизнь куда они летятЪ.
Смерть зрится на судахЪ, и смерть вЪ морской пучинѣ;
И каждый тамо шагЪ послѣднїй шагЪ кЪ кончинѣ;
Унылый шумЪ вездѣ, не слышно тамЪ рѣчей,
Единый слышенЪ вопль, громЪ пушекЪ, звукЪ мечей.

Те-

Текутъ противъ враговъ полночны Марсы смѣло,
Едина въ нихъ душа, едино зрится тѣло;
Колико вижу тамъ въ сраженіи людей,
Толико видовъ зрю различныхъ тамъ смертей:
Иный узрѣлъ свою рѣшительну судьбину:
Онъ видитъ самъ себя едину половину,
Лишенъ обѣихъ ногъ, еще онъ возстаетъ;
Къ его спасенію текущимъ вопіетъ:
„ Въ покоѣ умирать друзья меня оставте *,
„ Не мнѣ, отечеству себя услугой славте.
Иный имѣючи разверзту раной грудь,
Разитъ кругомъ враговъ текущъ за смертью въ путь.
Иный уже покрытъ завѣсой смертной тѣни,
Съ оружіемъ въ рукахъ валится на колѣни,
И ужасъ вкругъ его является вотще,
Онъ за отечество сражается еще;
Иныя сладости сна смертнаго вкушаютъ,
И лицъ спокойствіемъ живущихъ утѣшаютъ.
Иныя на своихъ оружьяхъ онемѣвъ,
Остаточный въ лицѣ изображаютъ гнѣвъ.
Тотъ рану захватя единою рукою,
Разитъ своихъ враговъ и мещетъ громъ другою.
Иный на кораблѣ чрезъ край безгласенъ палъ,
Явить, что смерти онъ шага не уступалъ.
Тамъ руки плаваютъ съ кровавыми мечами;
Катятся тамъ главы съ отверстыми очами,

* Сіи были подлинныя слова одного канонера, у котораго ядромъ обѣ ноги оторвало.

КакЪ будто сЪ тѣмЪ они желали умереть ,
ЧтобЪ имЪ свирѣпу брань еще по смерти зрѣть.
Повсюду вопль, и страхЪ; и ПонтЪ и небо тмится,
И смерть отЪ кораблей кЪ другимЪ какЪ вихрь
стремится.
Куда ни обратись увидишЪ смерти сонЪ ;
Чего ни слушаешЪ единый внемлешЪ стонЪ ;
И смертоносный дымЪ повсюду ощущаешЪ ;
Куда ни ступишЪ ты, всемѣстно адЪ встрѣчаешЪ;
И время быстрое коль скоро ни течетЪ ,
Еще скоряе МарсЪ и рубитЪ и сѣчетЪ.

МежЪ громовЪ таковыхЪ, межЪ молнїями плыли,
Которы корабли во кругЪ геройскихЪ были ;
ТамЪ Три Святителя, тамЪ дерзкїй РостиславЪ;
Со ДолгорукимЪ ГрейкЪ вЪ примѣрЪ ОрловыхЪ взявЪ,
ВерьхЪ славы провзошли геройскими дѣлами ;
Казалось тѣни тамЪ сразилися сЪ тѣлами ,
Которы злобна смерть , ни плѣнность не страшитЪ;
ТотЪ мѣсто занимать убитаго спѣшитЪ ;
Другїй свирѣпости войны пренебрегаетЪ ,
Гдѣ больше смерть разитЪ , туда и прибѣгаетЪ.
ДискордЇя вЪ такихЪ ликующа мѣстахЪ;
ВЪ груди имѣя злость и ярость во устахЪ ,
Склокочены власы , и очи распаленны ,
И руки и чело кругомЪ окровавленны ,
СЪ веселїемЪ она на брань свирѣпу зритЪ ;
Но мало для нее пучину кровь багритЪ,
Не сыта вЪ кругЪ нее лежащими тѣлами,
СЪ мечемЪ и пламенемЪ бѣжитЪ межЪ кораблями ,

Хотя

Хотя израненыхъ наполненны людей,
Отъ смерти кажутся они далеки ей;
Лютѣйшую въ сердцахъ тревогу возжигаетъ,
И грудью на корабль Россійскій налегаетъ;
Отъемля якорь прочь къ Турецкимъ кораблямъ,
Рукой Евстафія толкнула по валамъ;
Воспламеняется Паша * свирѣпствомъ новымъ;
Встрѣчаетъ нашъ корабль, какъ вепрь, съ лицемъ суровымъ.
Постой! къ тебѣ летятъ Спиридовъ и Орловъ;
Младый герой на всѣ опасности готовъ,
Едва Гасаново движеніе примѣтилъ,
Подобно какъ борей его въ пучинѣ встрѣтилъ.
Феодоръ зря войны рѣшительны часы,
Имѣя по челу разтрепанны власы,
Текущій потъ съ лица, трудовъ изображенье;
Стремится какъ на пиръ на страшное сраженье.
Сообщниковъ своихъ объемля говоритъ:
„ Друзья: теперь на насъ три части свѣта зритъ,
„ Себя на зрѣлище вселенныя представимъ,
„ Въ очахъ друзей своихъ, въ очахъ враговъ прославимъ.
Съ симъ словомъ на корабль Турецкій налетѣлъ,
Онъ бросилъ молніи, сразился, возгремѣлъ.
Не дѣйствуютъ уже ни ядра ни картечи,
Перемѣняется порядокъ ратной сѣчи;

Ле-

---

* Гассанъ Бей Паша, предводитель Турецкаго флота.

Летящи на крылахъ другъ къ другу корабли,
Какъ будто двѣ горы столкнулись на земли,
Движеньемъ свергнуты съ обѣихъ бордовъ въ море,
Теряютъ воины и жизнь и видъ свой вскорѣ.
Ихъ здавлены тѣла несомы по валамъ,
Являютъ зрѣлище плачевное очамъ.
Сцепились корабли. Срацины вопль пускаютъ!
Тамъ смерть свою къ себѣ баграми привлекаютъ;
Другїя отъ ея свирѣпости бѣгутъ,
Россїяне за ней и въ руки къ ней текутъ;
Недвижимы въ волнахъ стоятъ какъ будто въ полѣ,
И разстоянїя не остается болѣ.
Иныя будто бы подъ ними есть земля,
Съ высокаго въ валы свергались корабля;
Се новый брани родъ, въ срединѣ волнъ плывущихъ.
Наполнился весь Понтъ стенящихъ, вопїющихъ;
Рукой за бордъ схватясь иной разитъ врага;
Другому жизнь его не столько дорога,
Какъ честь отечества и собственная слава;
Такихъ раждаешъ ты Россїйская держава!

Тогда надъ Турками побѣду возвѣстить,
Хотѣлъ Россїянинъ съ кормы ихъ флагъ схватить;
Не отнялъ вдругъ его колико ни пытался,
Межъ волнъ и межъ небесъ висящъ на немъ остался;
Онъ руки потерявъ его не отпустилъ,
Всѣхъ способовъ лишенъ зубами флагъ схватилъ;
Срацинъ его мечемъ во чрево прободаетъ,
Трепещетъ, держится, луну не покидаетъ,
До крайности такой ее не уступалъ,
Доколь на свой корабль со флагомъ мертвъ упалъ.

Тутъ

Тутъ ратникъ ратника зритъ явно предъ очами;
Сразились копьями, ударились мечами;
Текутъ нещастныя за грозной смертью въ путь,
Не успѣваючи о жизни и вздохнуть;
Не успѣваетъ адъ своей питаться жертвой;
Кто палъ тамъ, палъ уже не раненый но мертвой;
Иный вострепеталъ мечемъ пронзенъ въ гортань,
Въ послѣднїй онъ вскричалъ, отдавъ природѣ дань.
Иный не чувствуетъ изъ ранъ крови теченья,
И только чувствуетъ что онъ среди сраженья.
Тамъ вплоть отрублена съ мечемъ рука падетъ;
И тяжестью своей врагу ударъ даетъ.
Иного окружилъ отвсюду облакъ темной,
Уже касается онъ пропасти подземной;
Но слыша Россїянъ побѣдоносный гласъ,
Очнулся, и взглянулъ на нихъ въ послѣднїй разъ.
На саблю налетѣлъ тамъ воинъ мечь имѣя,
И движется по ней, чтобы достать злодѣя.
Какъ вихрь подъемлется мгновенно отъ земли,
Такъ быстро воины на мачты возтекли;
Тамъ стрѣлы ихъ грудей и копья досягаютъ,
Они зажженныя гранаты въ низъ свергаютъ.
Горящїй пламенемъ и смертоносный градъ,
Едва не обратилъ Гасанъ-Бея назадъ:
Но тщетно онъ изъ рукъ Россїйскихъ вырывался;
То къ берегу хотѣлъ, то выше подавался;
Какъ звѣрь запутанный въ поставленныхъ сѣтяхъ,
Иль голубь у орла бїющїйся въ когтяхъ,
Не можетъ сей корабль отъ Россовъ отразиться.
Ахъ! для чего онъ въ Понтъ сей часъ не погрузиться;

Сбери-

Сберитесь облака въ кругъ оныхъ кораблей;
Воздвигни Понтъ Нептунъ, Юпитеръ дождь пролей.

Ни Понтъ не движется, ни шумный дождь не льется;
Уже спасенія ни гдѣ не остается.
Внимая между тѣмъ свирѣпству брани сей,
Безстрашно на нее взираетъ Алексѣй,
Не вредны Россы съ нимъ; не чающимъ спасаться
Не смѣетъ смерть до нихъ, ни раны прикасаться;
Кидаясь въ караблѣ какъ Марсъ по всѣмъ мѣстамъ,
Едину храбрость зритъ и невредимость тамъ.
Минерва ихъ своимъ Егидомъ защищаетъ *,
И громъ, и молніи отъ Россовъ отвращаетъ;
Летаетъ грозна смерть къ врагамъ изъ рукъ у нихъ,
И тамъ свирѣпствуя, позабываетъ ихъ.
Стеналъ отъ ранъ корабль, но Россы невредимы;
Безсмертны войски въ немъ, или непобѣдимы,
Въ кругъ ихъ составилась ужасная гроза:
Тогда простеръ Орловъ къ Ефстафію глаза,
Турецкій зритъ корабль отвсюду изъязвленный,
Зажженный Россами, едва уже не плѣнный;
На помощь думаетъ къ Феодору летѣть,
Съ Нимъ вмѣстѣ побѣдить, иль вмѣстѣ умереть;
Но важныя къ тому препятства обрѣтаетъ,
И славу общую своей предпочитаетъ.

Го-

* На караблѣ Трехъ Іерарховъ, въ самомъ дѣлѣ ни одинъ человѣкъ во время сего сраженія, не убитъ ни раненъ, хотя корабль въ сильномъ огнѣ былъ.

Горячность братнину онъ внутренно винитъ,
Но храбрость зримая въ немъ сердце веселитъ;
Онъ зритъ и пламень вдругъ Евстафія объемлетъ;
Въ немъ сердце замерло; онъ трескъ громовый внемлетъ;
Поколебалося и море и земля;
Взираетъ на корабль; но нѣтъ ужъ корабля!
И брата больше нѣтъ! Въ верьхъ парусы віются,
Остатки кораблей по воздуху несутся;
Покрылся облакомъ кровавымъ горизонтъ,
Казалось изъ него валятся люди въ Понтъ.
Какое зрѣлище герою, другу, брату!
Онъ вдругъ почувствовалъ сію велику трату;
Погибъ любезный братъ, погибъ ты вопіетъ:
И повторяя то безпамятенъ падетъ.
Не знаю лутчаго печали сей примѣра,
Сей грусти, жалобъ сихъ, какъ въ пѣсняхъ у Гомера;
Въ такомъ смятеніи былъ храбрый Ахиллесъ,
Какъ Антилохъ къ нему плачевну вѣсть принесъ:
Что рокъ, ужасный рокъ, съ Патрокломъ совершился;
Нещастный другъ его всѣхъ чувствъ почти лишился,
И только началъ онъ рокъ лютый познавать;
Коль можно чувствами отчаянье назвать;
Повергся возрыдавъ, герой на землю хладну,
И грудь къ ней приложилъ, грудь томну, безотрадну,
Со прахомъ бѣлыя власы свои смѣшалъ,
Зеленую траву слезами орошалъ;

Искалъ

Искалъ оружїя , просилъ у предстоящихъ ,
Для пресѣченїя печалей, духъ томящихъ.
Подобный храбростью и мужествомъ таковъ ;
Но тверже во своемъ отчаяньѣ Орловъ ,
Познавъ что брата слезъ ручьи не воскрешаютъ,
Соединиться съ нимъ друзья ему мѣшаютъ ;
Увидѣлъ въ кругъ него стоящу , дружбу, честь,
Родство , отечество : на праведную месть ,
Геройскїй духъ его отъ горестей зовущихъ ;
Проснись Орловъ ! и мсти за брата вопїющихъ!
Какъ страшный отходя отъ человѣка сонъ,
Еще крушитъ его , и оставляетъ стонъ ,
Такъ горестью своей Орловъ обремененный ,
Подвигся храбростью и местью оживленный ;
На власть небесную устами онъ роптал ъ ,
Но сердцемъ Божескїй онъ промыслъ почиталъ ;
„Пойдемъ друзья мои вѣщаетъ предстоящимъ :
„Ударимъ въ слѣдъ врагамъ отъ насъ уйти хотящимъ,
„И утѣшенїе сїе отъ насъ унесть ,
„Котораго искать повелѣваетъ честь.
„Намъ кровь текущая съ кипящими струями ,
„Феодорова тѣнь вїясь надъ кораблями ,
„Друзья вѣщаютъ намъ которыхъ мы не зримъ ;
„Что страждутъ души ихъ , что мы за нихъ не мстимъ!
„За флотомъ сихъ убїйцъ мы свой корабль направимъ,
„Умремъ или отмстимъ, и Россовъ тѣмъ прославимъ!
Уже на парусахъ корабль его бѣжалъ ,
Уже онъ мыслями злодѣевъ поражалъ ;
Таковъ былъ Александръ, когда онъ черезъ стѣну,
Одинъ перескочилъ къ Индѣйцамъ въ Малїену ;

Одинъ съ мечемъ напалъ на множество враговъ;
Тогда то прямо былъ герой въ числѣ боговъ.
Подобенъ храбростью герою таковому,
Орловъ летѣлъ во слѣдъ съ Перуномъ Бею злому.
Хотябъ противъ него всѣхъ выслалъ Зевсъ боговъ,
Пошелъ бы противъ нихъ безъ робости Орловъ *;
Онъ камни страшныя, и мѣли презираетъ,
И флоту Росскому дверь славы отворяетъ.

Однако легкїя Турецки корабли,
Въ заливъ, какъ лютый змѣй далеко утекли;
Оставили во власть намъ кровь свою и море.
Постойте варвары, Мы васъ достигнемъ вскорѣ!
Постой и ты въ волнахъ, постой о храбрый мужъ!
Не должно тяготить тоскѣ великихъ душъ;
Дни брата твоего не скоро пресѣкутся:
Любовь сама о немъ, и грозный Марсъ пекутся.
Беллона пламенникъ не скоро потушитъ;
Но скоро у тебя токъ слезный осушитъ;
Ты мщенїемъ теперь противъ Срацинъ пылаешь;
Но будешь воздыхать о томъ, чего желаешь;
Не жаждешь крови ты злодѣя своего:
Отечества летишь за славой твоего;
Черезъ побѣды намъ драгова ищешь мира;
Дождись его и пой моя усердна лира!

* Графъ Алексѣй Григорьевичь въ сїе время подлинно таковъ былъ, что всѣ опасности пренебрегъ и больше ни о чемъ не думалъ, какъ о мщенїи за брата своего и за прочихъ.

ПѢСНЬ IV.

О вы! кѣмъ свѣта вся колеблется громада,
Всходящи къ небесамъ, касающися ада,
Стихіи страшныя, огнь, буря и вода:
Столпы вселенныя вы движете всегда;
Рушители богатствъ и нашего покоя,
Вы въ первый въ свѣтѣ разъ смягчились для героя:
Спасли Ѳеодора въ ужасный смерти часъ,
Спасли и для него, для братьевъ, и для насъ;
Смерть съ грозною косой на Понтѣ свирѣпѣла;
Но съ нимъ встрѣчаяся мгновенно ослѣпѣла;
Валы кипящія, и бурныя огни,
Хотѣли пощадить его цвѣтущи дни.

Однако братъ его свидѣтель рока злова,
Окромѣ мщенія не чувствуетъ инова;
Сквозь вихри пламенны, чрезъ камни онъ летитъ,
И хочетъ умереть, когда не отомститъ;
Такъ ястребъ въ высотѣ за пищею летящій,
И стадо голубей по воздуху гонящій.
Не внемлетъ ужасу гремящихъ тучь во кругъ,
И какъ стрѣла падетъ въ средину стада вдругъ.

Достигъ

Достигъ бы Турковъ онъ, достигъ бы ихъ въ пучинѣ,
И въ жертву гордость ихъ принесъ ЕКАТЕРИНѢ.
Но какъ въ срединѣ волнъ отмщеньемъ онъ горитъ,
Бѣгущее къ нему на веслахъ судно зритъ,
И плаватели въ немъ подъемля къ небу руки,
Разносятъ радостны въ пространномъ Понтѣ звуки;
На сей часъ къ малому спокойству возвращенъ,
Подумалъ Алексѣй, что братъ его отмщенъ:
Что небо свой Перунъ на Турковъ низпустило,
Что море двигнулось, и флотъ ихъ поглотило.
Въ такой свирѣпости рокъ былъ бы справедливъ!
Онъ внемлетъ вѣстнику, и внемлетъ? братъ твой живъ!
Онъ живъ! и къ берегу склоняется морскому,
Не вѣритъ щастїю въ смятенїи такому.
Являлся нѣкогда нещастливымъ таковъ,
Съ крылатою главой посланникъ отъ боговъ.
Морскїя нимфы гласъ веселый въ Понтѣ внемлютъ,
Прекрасныя главы изъ волнъ морскихъ подъемлютъ,
И видя Россїянъ единыхъ у бреговъ,
Со плескомъ къ нимъ текутъ, и слушаютъ ихъ словъ;
Сыны Еоловы на часъ остановились;
Тритоны съ мѣлкими струями появились.
Зеленыя волны найяды не предутъ,
И въ нашей радости участїе берутъ:
Герою посланный слова возобновляетъ;
Онъ вѣритъ, и себѣ въ немъ брата представляетъ,
Слезами обливишись обемлетъ онъ его,
И всѣ его друзья обемлютъ самово,

Его веселіе героевъ утѣшало,
Какъ будто бы у всѣхъ по брату воскресало.
Отъ вѣстника герой не отвращаетъ глазъ,
О братѣ повторять велитъ ему сто разъ,
И слушая о немъ не можетъ слезъ отерти,
Колико близокъ онъ отъ устъ былъ жадной смерти.
„Вѣщаетъ присланный лишъ только корабли,
„Бросая молніи другъ къ другу притекли;
„Какъ будто бы ушло межъ нами грозно морѣ,
„Смѣшались мы на нихъ и наши флаги вскорѣ;
„Какъ рой шумящихъ пчелъ удары къ намъ неслись,
„Потоки съ кораблей кровавы полились;
„Осталось менѣе живыхъ чѣмъ убїенныхъ;
„Мы стоя на тѣлахъ дралися пораженныхъ.
„Твой братъ спокойствїя душевна не терялъ,
„Кидаяся вездѣ Россїянъ ободрялъ;
„Отъ Турковъ кровїю своей себя искупимъ,
„Умремъ; но лавра имъ побѣды не уступимъ,
„Такъ Ѳедоръ говорилъ; твердя геройску рѣчь,
„Кидался первый онъ на копья и на мечь;
„Гдѣ больше смерть свою свирѣпость изливала,
„Туда его и честь и храбрость призывала;
„Мы слѣдуя за нимъ тѣснились въ кругъ его;
„Хотѣли умереть и съ нимъ и за него.
„Я долженъ почитать въ героѣ и злодѣя;
„Такова зрѣли мы въ сраженьи Гасанъ-Бея;
„Какъ молнїя съ мечемъ повсюду онъ леталъ;
„Казалось громъ на насъ изъ рукъ своихъ металъ,
„И лавръ ему отдать мы былибъ принужденны,
„Когдабъ не Россами мы были въ свѣтъ рожденны,
„Увидя

„Увидя смерть вЪ глазахЪ, мы смерть пренебрегли;
„Кидались на мечи, дрались, рубили, жгли.
„Уже Паша робѣлЪ, отчаянЪ становился;
„Се пламень вЪ кораблѣ ТурецкомЪ появился;
„Отчалить свой корабль одно спасенье намЪ,
„Оставя вЪ жертву ихЪ, пожару и волнамЪ,
„И сЪ вами кЪ торжеству побѣды уклониться;
„Не могутЪ корабли другЪ сЪ другомЪ разойтиться;
„СпускаемЪ парусы и силимся вотще,
„ВЪ срединѣ пламени сражаемся еще;
„ТутЪ огнь противу насЪ, тамЪ сабли, тамЪ пучина;
„Дороги кЪ жизни нѣтЪ видна вездѣ кончина;
„Повергнуться ль вЪ валы, во пламени ль сгорѣть,
„Равно, вездѣ равно осталось умереть.
„Смерть разомЪ двери всѣ намЪ кЪ вѣчности отверзла;
„Среди огня, у насЪ вЪ кругЪ серца кровь замерзла;
„Не море, не огонь, не буря насЪ страшитЪ;
„Но то, что случай злой побѣды не рѣшитЪ,
„Что вЪ первый разЪ бѣжать отЪ Турка принужденны.
„Непобѣдимыя пожаромЪ побѣжденны!
„ВЪ пучинѣ отЪ огня спасенья больше нѣтЪ;
„ОтЪ непріятелей пожарЪ и кЪ намЪ течетЪ,
„И вЪ вихряхЪ пламенныхЪ свирѣпа смерть несется,
„Огонь какЪ быстрая вода вездѣ лïется;
„Спасенье вЪ страхѣ семЪ осталось намЪ одно:
„Спасенье бѣдное морской пучины дно:

,,Низходимъ съ корабля. Прерви ту повѣсть муза!
,,Представь на воздухѣ, въ огнѣ, и въ понтѣ Круза;
,,Остался въ морѣ онъ Евстафїя спасать ,
,,И громы ко врагамъ послѣднїя бросать;
,,Уже Россїяне побѣду вострубили ,
,,Бѣгущихъ съ корабля враговъ своихъ рубили :
,,Гасанъ въ смятенїи двѣ язвы получилъ ,
,,Трепещущъ съ корабля во глубину соскочилъ,
,,Его въ объятїе отчаянье приемлетъ ,
,,И весь Турецкїй флотъ побѣдѣ нашей внемлетъ;
,,Отрѣзавъ якори отъ насъ въ заливъ летятъ ,
,,Людей и корабля спасати не хотятъ.
,,Въ другъ мачта съ пламенемъ къ намъ пала отъ злодѣевъ ;
,,Евстафїй возгремѣлъ ; се Крузъ и съ нимъ Плѣщеевъ ,
,,Скончати жизнь свою на воздухъ вознесенъ ;
,,Но вихремъ огненнымъ носимый Крузъ спасенъ * ,
,,Въ дыму, во пламени, среди пучины бьется ,
,,И Туркамъ отомстить за раны остается.
,,Такъ вѣстникъ говорилъ , спасали мы животъ.
Сей общей радости восплещетъ весь нашъ флотъ.

Тогда вообразивъ судьбину толь чудесну ,
Герой возвелъ глаза на высоту небесну ;
Изображенье въ нихъ всевышней власти зритъ;
,,О небо! въ радостномъ восторгѣ говоритъ :

,,Про-

* Крузово спасенїе сколь ни удивительно ; но оно подлинно.

„Прости мнѣ прежнюю души моей тревогу ;
„Мы всѣ живемъ во тьмѣ; но все извѣстно Богу;
„Изчислены давно дни наши у нево ,
„И должны мы за все благодарить ево.
Онъ рекъ ! и болѣе героемъ показался ;
Токъ слезный отеревъ съ друзьями лобызался.
Сокровища свои онъ вѣстнику вручилъ :
Вѣщая ; отъ тебя я больше получилъ :
„Ты вѣсть прїятную, мнѣ вѣсть принесъ о братѣ,
„Цѣны той жизни нѣтъ, какъ не былобъ и тратѣ.
При сей веселости еще пускаетъ стонъ :
Что перстня на рукѣ не обрѣтаетъ онъ ,
Полночныя лице Минервы въ немъ являлось ,
И храбрости въ моряхъ Россїянъ удивлялось :
Но тщетно сей ущербъ Орловъ тебя горчилъ ;
Симъ перстнемъ ты моря богинѣ обручилъ ,
И сей дражайшей знакъ Нептуну въ вѣкъ оставилъ,
Предъ кѣмъ ты самъ себя и весь народъ прославилъ.

На варваровъ герой спокойнымъ окомъ зритъ ;
Въ смятенїи къ Чесмѣ Турецкїй флотъ бѣжитъ ;
Дрожаща робость имъ отчаянье внушаетъ ,
Колеблетъ мачтами , и парусы мѣшаетъ ;
Толкаются въ волнахъ другъ съ другомъ корабли,
Относятся въ моря , касаются земли ;
Какъ стадо, въ коемъ страхъ звѣрь хищный производитъ,
Тѣснясь бѣжитъ во клевъ; такъ флотъ въ заливъ уходитъ.

„Хотя во глубинѣ морской себя сокрой ,
„Достигну я тебя , къ бѣгущимъ рекъ герой.

Слова его брега и волны повторили,
И пущій страхъ въ серца Турецкія вперили.
Орловъ, отъ рукъ твоихъ сей варваръ не уйдетъ,
Оставь его на часъ; тебя Өеодоръ ждетъ.

Несется къ брату онъ какъ быстрыми крилами,
На малой ладіѣ межъ грозными валами;
Смиряется его увидя бурный Понтъ,
И разчищается згущенный горизонтъ;
Въ немъ серце радости исполненно трепещетъ;
Онъ взоры быстрыя въ пространствѣ моря мещетъ:
Очами ищетъ онъ въ немъ ботика сего,
Гдѣ брата думаетъ увидѣть своего;
Увидѣлъ! раздались въ волнахъ веселья звуки;
Другъ къ другу отъ судовъ они простерли руки,
И будто по волнамъ бѣжать они хотятъ,
Другъ къ другу прежде всѣхъ въ объятія летятъ.
Веселье извлекло и слезы, и стенанье,
И долго пребыли обнявшися въ молчаньѣ;
Разтрогались у всѣхъ симъ зрѣлищемъ серца,
И жалость нѣкая являлась изъ лица:
Почувствовали всѣ въ минуту предлежащу,
И грусть прошедшую, и радость настоящу;
Негорькій токъ изъ глазъ, но радостный течетъ,
Токъ слезный изъ сердецъ послѣдню грусть влечетъ.
Такъ небомъ нѣкогда терзаемый и адомъ,
Орестъ увидѣлся съ возлюбленнымъ Пилладомъ;
Колико прежде онъ спокойства ни губилъ,
Въ объятіяхъ ево печаль свою забылъ.

При сей веселости взаимно получали,
Въ печаляхъ радости, за радостью печали;

Раз-

Разнесшійся тогда по Океяну дымъ,
Плачевно зрѣлище въ волнахъ представилъ имъ:
Взирая смутными на бурный Понтъ глазами,
На слѣдствія войны смотрѣли со слезами,
Въ кровавыхъ тамъ струяхъ неслися къ нимъ тѣла,
Которы поглотивъ пучина отдала;
Къ судамъ ихъ приплыли безгласныя и мертвы,
Какъ будто требуя отъ нихъ послѣдней жертвы;
На бѣдствіе сіе Ѳеодоръ съ плачемъ зритъ,
И брата своего обемля говоритъ:
,,Се воины струи піющія кровавы,
,,Учасники моей, и нашей общей славы,
,,Безъ оныхъ можетъ быть меня бъ ты не видалъ,
,,И какъ о нихъ теперь о мнѣ бы возрыдалъ.
,,Объ васъ Россія вся, о други! пожалѣетъ;
,,И наша кровь за васъ отмстить не укоснѣетъ;
,,Когдажъ вамъ рокъ судилъ отечества не зрѣть,
,,Коль славно за него такъ храбро умереть!
,,Се нашихъ воиновъ тѣла неустрашимыхъ,
,,Лишенныхъ живота; но въ немъ непобѣдимыхъ!
,,Се кровь Россійскую приноситъ къ намъ волна!
,,И требуетъ отъ насъ отмщенія она!
,,Пойдемъ любезный братъ! злодѣевъ возтревожимъ,
,,Отмстимъ своихъ друзей иль жизнь за нихъ положимъ!
Уже онъ мыслями злодѣямъ въ слѣдъ летѣлъ,
И медлить мщеніемъ въ пучинѣ не хотѣлъ;
Но видитъ что вдали бросаютъ волны тѣло.
Онъ смотритъ на нево; въ немъ серце закипѣло;
Трепещетъ, стонетъ онъ на волны обратясь,
И кажется ему вдали Козловскій Князь!

Смущаетъ душу въ немъ прежалостна судьбина;
Увы! онъ рекъ: тебя какъ брата мнѣ, какъ сына,
„Отецъ твой мнѣ тебя любезный другъ вручилъ;
„Ты умеръ! я ево на вѣки огорчилъ!
Ахъ будь! позорище сіе пустой мечтою,
Козловскій можетъ быть не поглощенъ волною!
Когдаже скрылся ты на вѣкъ въ морскихъ волнахъ,
Такъ гробъ твой у твоихъ друзей теперь въ сердцахъ.

О лира! удались позорища ужасна,
Съ гремящею трубой военной будь согласна;
Стенанія свои и слезы прекрати;
Со мной въ Турецкій флотъ, ко Чесмѣ прелети;
Злодѣевъ я своей Минервы ненавижу;
И се на мачтѣ ихъ луну кроваву вижу;
Я вижу въ корабляхъ болѣзни и тоску,
Разбросанны тѣла по желтому песку!

Въ пещерѣ вижу я ужаснаго дракона,
Въ пещерѣ горести, отчаянья и стона,
Въ немъ серце ужасомъ наполненно дрожитъ;
На персяхъ у него отчаянье лежитъ.
Печаль имѣюща потупленныя очи,
Въ преддверіи сидитъ въ одѣждѣ мрачной ночи,
Мутится тамъ вода, и вянетъ вкругъ трава,
Гдѣ томная лежитъ Драконова глава;
Ѳеодоромъ она отвсюду изъязвленна,
И кроясь отъ него быть чаетъ изцѣленна;
Таковъ Турецкій флотъ былъ робокъ и сонливъ,
Ушедъ отъ кораблей Россійскихъ въ свой заливъ;
Еще въ округъ себя Россійски громы внемлетъ,
И волну каждую за нашъ корабль пріемлетъ,

И тѣни собственны, и вѣтровъ легкій шумъ,
Россіянъ кажутъ имъ и ихъ колеблютъ умъ.
Степановъ страхъ и смерть понесъ въ Чесмески
волны *.
Тамъ воздухъ ужасомъ, сердца, и мысли полны.
Увидя предъ собой отверсту адску дверь,
Трепещутъ будто бы стрѣлой пронзенный звѣрь,
Который лѣсъ густый убѣжищемъ пріемлетъ,
И гласъ охотничей кругомъ пещеры внемлетъ;
Въ такомъ отчаяньѣ, во ужасѣ такомъ,
Узная каковы въ сраженіи морскомъ,
Безстрашны, бодрственны и храбры Россы были,
Срацины прежней жаръ и твердость погубили;
На саму вышину взлетаютъ мачтъ своихъ,
Въ движеніи они весь флотъ узрѣли ихъ;
Блѣднѣютъ лица тутъ и зрѣніе мутится:
Имъ флотъ, Россійскій флотъ уже въ заливѣ
зрится;
Ужасный къ кораблямъ своимъ простерли гласъ:
„Пришелъ намъ въ сихъ волнахъ, пришелъ послѣд-
ній часъ;
Но чая, что себя опасностью избавятъ,
Оружія кругомъ бреговъ Чесмесскихъ ставятъ **,
Дабы Россіянамъ къ заливу путь отсѣчь.
Въ очахъ имѣя страхъ, въ рукахъ кровавый мечь,
На

---

* Будучи посланъ къ сѣверной части Чесмесской Бухты, збилъ Турковъ съ поставленной ими на берегѣ батарей, и пушки съ оной перевезъ на свой корабль.

** Турки со всѣхъ сторонъ укрѣплялись; но все обратилось въ ихъ погибель.

На серце злую грусть, надежду всю теряютъ;
Но въ крайности своей другъ друга ободряютъ;
Взираютъ съ трепетомъ на блѣдную луну;
Не помощь видятъ въ ней; но слабость лишь одну:
Она межъ тучами висящая трепещетъ,
Багровыя лучи, и томны взоры мещетъ;
Чернѣетъ Океанъ вкругъ легкихъ кораблей;
Кровавая роса сгустилась надъ землей;
Теченье косно въ мірѣ блистательнаго феба,
И кажется въ валы валятся звѣзды съ неба;
Ревѣтъ глубокій Понтъ, и стонутъ берега;
Въ дыму являются и горы и луга;
Все кажетъ смерти видъ, все Туркамъ сострадаетъ;
Все въ мірѣ кажется напасти ожидаетъ;
Мечи надъ флотомъ ихъ изъ облаковъ висятъ,
И вѣтры бурныя пожаръ и смерть гласятъ.
Такія въ естествѣ нестройства показуетъ,
Когда какой народъ Всевышній наказуетъ;
Смерть близкую сіе изображаетъ вамъ,
Сарацины гордыя, и вашимъ мечь главамъ;
Крѣпитесь, бодрствуйте, смущайтесь и рыдайте;
Но вашъ пришелъ конецъ, Россіянъ ожидайте:
Вы смѣли нашихъ странъ богиню раздражить;
Встающій на боговъ, не долженъ въ свѣтѣ жить.

* * *

ПѢСНЬ

ПѢСНЬ V.

Юпитерова дщерь сходя съ небесна трона,
Минерва ко брегамъ спускалась Иліона;
Божественнаго тамъ сіяніемъ вѣнца,
Подвигла къ храбрости Ахейскія серца;
Въ присудствіи ее стремилися герои,
На раззореніе великолѣпной Трои;
Минерву новую нашъ флотъ на Понтѣ зритъ,
ЕКАТЕРИНИНЪ духъ предъ нимъ въ волнахъ горитъ;
Злодѣевъ нашего отечества тревожитъ,
И храбрость Россіянъ, въ серцахъ геройскихъ множитъ;
На трою новую несетъ она Перунъ,
Котору во своихъ поляхъ вмѣстилъ Нептунъ.
И Гекторъ устоять не могъ подъ Иліономъ;
Пылали стѣны тамъ взведенны Аполлономъ;
Отъ Россовъ скрыться льзя вамъ Сарацины во струяхъ:
У нихъ Минерва ихъ и въ мысляхъ и въ серцахъ.

Представь, о Муза! видъ позорища плачевна,
Въ которое враговъ судьба приводитъ гнѣвна;
Средь флотовъ на крылахъ своихъ остановись,
Тѣхъ робости, другихъ отважности дивись.

Оста-

Оставя дружнею кипящи кровью волны ,
И мщенїемъ за нихъ, и жалостїю полны ,
Устроили свои герои корабли ,
Со громомъ на враговъ къ заливу потекли.

Уже простерлась ночь изъ пропасти подземной,
И въ кругъ разкинула покровъ съ звѣздами темной;
Трепещуща луна волнамъ открыла зракъ ,
Въ Сращинахъ ужасы ночный умножилъ мракъ;
И тьма отчаянье въ серца у нихъ влагаетъ;
Ихъ малый блескъ огня во трепетъ повергаетъ,
Хотятъ чтобъ въ вѣкъ отъ насъ ихъ скрыла нощи тѣнь;
Хотятъ чтобъ имъ открылъ движенья наши день;
Другъ друга съ робостью во тьмѣ они встрѣчаютъ,
И шумъ и тишина имъ ужасъ приключаютъ ;
Отъ глазъ ихъ отлетѣлъ, сынъ мрачной нощи сонъ,
И ежели къ кому изъ нихъ коснется онъ ,
Представитъ къ ужасу въ ихъ мысляхъ возмущенныхъ ,
Тѣла ихъ сродниковъ , и братьевъ убїенныхъ ;
Они ихъ видятъ кровь, стенящїй внемлютъ гласъ:
Проснитесь ! гибнете ! и Россы близко васъ !
Въ смятенье таковомъ Сращины обуяли ,
Отчаянную смерть въ заливѣ предпрїяли ;
Готовятъ молнїи со флота , со бреговъ ,
И тысящи смертей стремили на враговъ ;
Отверзла адскїя ужасна смерть гортани,
Громъ страшный возгремѣлъ простерла злоба длани;
Но мракъ который свѣтъ небесный потушалъ ,
На суше виды всѣ и на морѣ смѣшалъ ,

Тамъ

Тамъ злость въ тѣни густой за валомъ укрывалась;
Нечаянно напасть на Россовъ порывалась;
Страдалъ бы весь нашъ флотъ погибели не зря.
Се Ангелъ во области имѣющій моря,
Отъ Турковъ облакомъ густымъ во кругъ обвился,
И свѣтлою звѣздой Россїянамъ явился * ;
Во мракѣ корабли текущи освѣщалъ.
Онъ лирнымъ голосомъ героямъ такъ вѣщалъ:
„Оставте страшную Россїяне дорогу,
„Ввѣряясь храбрости, ввѣряйтесь больше Богу;
„Здѣсь грозна скрыла смерть свой громъ противу васъ,
„И въ молнїяхъ она разсыплется въ сей часъ.
Россїяне словамъ небесной тѣни внемлютъ;
Отъ грома отвратясь къ другому путь прїемлютъ.

Къ златому шелъ Руну безъ трепета Ясонъ,
И страхи презиралъ и бурный пламень онъ;
Разилъ противниковъ волшебну вѣтвь имѣя,
Котору хитрая дала ему Медѣя;
Драконы пламенны и огненны волы;
Сгущенїе во кругъ героя страшной мглы,
Котору на него свирѣпый адъ воздвигнулъ,
Не тронули ево; Ясонъ Руна достигнулъ.

Въ намѣреньѣ своемъ былъ твердъ и храбръ таковъ,
Текущїй въ кораблѣ съ Перунами Орловъ;

Ору-

---

* Отъ зазженїя Турецкаго корабля, когда освѣтились берега, увидѣли Россїяне новую непрїятельскую батарею.

Оружїя съ бреговъ во кругъ его гремѣли;
Но храбрыя сердца боязни не имѣли ,
Безъ трепета они среди смертей текли ;
Не вѣтвь Медѣину въ рукахъ своихъ несли ,
Не страшенъ Россамъ громъ , ни бурная пучина;
Ихъ вѣтвь, надежда ихъ, ихъ богъ ЕКАТЕРИНА;
Она въ моряхъ имъ щитъ, ограда на земли.
Уже въ заливъ они Чесмесскїй притекли ,
Въ который убѣжавъ Турецкїй флотъ трепещетъ,
И громы со бреговъ противъ Россїянъ мещетъ;
Тогда составили начальники совѣтъ ,
Дабы предупредить тревогой дневный свѣтъ.
Пренебрегающїй и адомъ и Нептуномъ:
Со брандерами Грейкъ летитъ къ врагамъ съ Перуномъ;
Тамъ Дугдалъ пламенемъ и громомъ воруженъ,
Бросалъ его къ врагамъ весь пламенемъ озженъ *.
Вручаетъ слава вѣтьвь , вручаетъ вѣтьвь Лаврову,
Кидающему огнь къ Срацинамъ Клокачову.
Какъ будто несъ главу Горгоны къ нимъ въ рукахъ,
Окаменѣнье имъ Ильинъ ** навелъ и страхъ;
Онъ бросилъ молнїю въ ихъ плавающи домы ;
Ударили со всѣхъ сторонъ отъ Россовъ громы ;
Тамъ

---

* Г. Дугдалъ не успѣлъ скоро сойтить съ брандера, и онымъ нѣсколько поврежденъ.

** Подшедъ къ Турецкому кораблю и сцѣпясь съ нимъ зажегъ брандеръ; отъ чего всѣ потомъ загорѣлись корабли.

Тамъ бомба на корабль упавъ разорвалась,
И смерть, которая внутри у ней неслась,
Покрыта искрами изъ оной вылетаетъ;
Рукою корабли, другой людей хватаетъ,
Къ чему ни коснется, все гибнетъ и горитъ;
Огонь небесну твердь, пучину кровь багритъ;
Подъемлютъ якори, отъ смерти убѣгаютъ;
Но кроясь отъ огня другъ друга зажигаютъ.
Вопль жалостный и шумъ пронзаетъ горизонтъ,
И кажется горитъ кругомъ земля и Понтъ;
Какъ будто цѣлый міръ пришелъ къ своей кончинѣ,
Тамъ плаваетъ пожаръ и дымъ въ морской пучинѣ;
Пожаръ на небеси, въ водѣ, и на волнахъ;
Вездѣ отчаянье, напасть, тревога, страхъ;
Блѣднѣющая смерть, и ужасъ предъ очами;
Все гибнетъ пламенемъ и острыми мечами.
Вїяся къ мачтамъ огнь пучину озарилъ,
Срацинамъ гробы ихъ во глубинѣ открылъ;
Такъ тартаръ гдѣ Плутонъ преступниковъ вмѣщаетъ,
Во мракѣ тонкїй огнь отвсюду освѣщаетъ,
Дабы стенающимъ въ немъ тѣнямъ показать,
Какїя муки ихъ готовятся терзать;
Срацинскїя суда подобно такъ горѣли,
Чтобъ страшну смерть свою въ ночи злодѣи зрѣли,
Изъязвленныя тамъ въ кипящїй Понтъ падутъ,
И собственную кровь съ водою вмѣстѣ пьютъ;
Иный пылая весь спасаться предпрїемлетъ,
Когда огонь его со всѣхъ сторонъ объемлетъ,
Кидается вездѣ, на мачты, на корму,
И задыхается и въ пеплѣ и въ дыму.

Кипящая вода огня не потушаетЪ,
Свирѣпый огнь вЪ судахЪ воды не осушаетЪ;
Летящихъ вЪ воздухѣ СрациновЪ смерть сѣчетЪ,
Она сЪ водою кЪ нимЪ и сЪ пламенемЪ течетЪ.
Иныя усмотрѣвЪ вЪ округЪ кипящи волны,
Срацинской кровїю и ихЪ тѣлами полны,
Во пламень кинулись; но тамЪ вЪ смятеньи зрятЪ,
Что многїя вЪ огнѣ ихЪ ратники горятЪ,
Отбросились назадЪ; весь ужасЪ воображаютЪ,
ВЪ отчаяньѣ такомЪ другЪ друга поражаютЪ.
Кидаются вездѣ спасенїе найти;
Но льзяль отЪ пламени и отЪ воды уйти?
Иныя позабывЪ досаду и свирѣпство,
Неизбѣжимое отвсюду видя бѣдство,
КЪ РоссїйскимЪ кораблямЪ вЪ отчаяньѣ плывутЪ,
И кЪ помощи своей враговЪ своихЪ зовутЪ;
СЪ печалїю на нихЪ Россїяне взираютЪ *,
И руку помощи злодѣямЪ простираютЪ;
О страждущемЪ они вздыхаютЪ естествѣ,
И горьки слезы льютЪ герои вЪ торжествѣ;
Гдѣ вихри пламенны алчбу усугубляли;
ТамЪ Россы мщенїе и ярость оставляли!
Еще не гаснетЪ огнь, не умолкаетЪ громЪ;
Возможноль описать смятенїя перомЪ,
Какїя по себѣ свирѣпый огнь оставилЪ?
Ужасный адЪ очамЪ изЪ Понта онЪ представилЪ:
ТамЪ

---

* Россїяне кЪ чести всего отечества и нашего вѣка утопающихЪ непрїятелей своихЪ спасали; и сЪ покоемЪ ихЪ оставили.

Тамъ цѣлыя тѣла по воздуху неслись,
Ручьи кровавыя изъ ранъ ихъ въ Понтъ лились;
Тамъ руки въ воздухѣ, тамъ головы летали,
И мачты корабли съ народомъ въ верьхъ метали;
Преобратилася въ багряну кровь вода.
Зла парка начала ослабѣвать тогда,
И пряжа скорая изъ рукъ у ней валится,
Серпомъ она своимъ уже не веселится.
И се велѣніемъ разгнѣванныхъ небесъ,
Въ едину ночь въ огнѣ Турецкій флотъ изчезъ;
И море на сіе и бреги зрятъ со страхомъ,
Покрылись кровію, огнемъ они, и прахомъ.
Громъ страшный возгремѣлъ изъ волнъ въ послѣдній разъ,
Поколебался Понтъ и горы въ оный часъ;
Потухли въ облакахъ написанны пожары,
И слышны въ далекѣ подземныя удары.
На блѣдную луну со страхомъ Смирна зритъ,
И слыша, что у ней въ ногахъ земля дрожитъ *,
Помыслила когда въ ней стѣны потряслися:
Что Россы съ тартаромъ и съ небомъ вдругъ дралися;
Что новый Магомедъ, и новый Геркулесъ,
Одинъ пошелъ во адъ, другой на верхъ небесъ,

 Цер-

* На нѣсколько верстъ кругомъ слышенъ былъ звукъ по землѣ около мѣста сраженія и до самой Смирны оный достигъ.

Цербера и луну на части паки рубятъ;
Что Россы къ ней текутъ, и всѣхъ Сарациновъ
губятъ;
Между гражданами теряется любовь,
По улицамъ рѣкой лïется въ Смирнѣ кровь.
Постойте варвары; отмщенïемъ не горите,
Во побѣдителяхъ защитниковъ вы зрите!
Вамъ слава говоритъ: незлобивы они;
И драгоцѣнны имъ людей нещастныхъ дни.

Уже свирѣпый огнь у Чесмы погасаетъ;
Отъ пламени корабль Турецкïй *, Грекъ спасаетъ;
Побѣда такова промчится въ родъ и родъ,
До коей достигать не могъ другой народъ;
Россïя превзошла геройства всѣ примѣры,
И храбрость нашихъ войскъ едва достойна вѣры:
Въ одну погибла ночь ты Троя отъ себя;
Но десять лѣтъ война горѣла въ кругъ тебя.
Здѣсь нѣсколько часовъ на битву полагаютъ,
И восемь кораблей великïй флотъ сжигаютъ;
Ахейцы мщенïемъ среди огня горятъ,
Россïяне въ слезахъ на бѣдныхъ Турковъ зрятъ;
Побѣда мести ихъ осталася предѣломъ,
И слава кротость ихъ поетъ во свѣтѣ цѣломъ,
Она изъ облаковъ съ трубами въ низъ сошла,
Лавровыя вѣнцы героямъ поднесла;
Она сердца у нихъ и храбрость примѣчала,
Побѣды, кротость ихъ, и твердость вдругъ вѣнчала.

Уже

* Сей корабль назывался Родосъ.

Уже съ лица земли сходила черна тѣнь,
И Фебъ изъ глубины выводитъ свѣтлый день,
Остановляется на Понтѣ простерши очи;
Что флотъ, покинулъ онъ во мракѣ темной ночи,
И тамо не нашелъ, гдѣ прежде зрѣлъ его,
Онъ видитъ огнь и дымъ, и больше ничего.
О солнцѣ! блѣдная луна то показуетъ,
Коль скоро Богъ враговъ Россійскихъ наказуетъ;
Теки и Россіянъ по всей вселенной славь,
А сожалѣніе Орловымъ ты оставь;
Ихъ день веселости и торжества лишаетъ,
И слава собственна едва ихъ утѣшаетъ;
Какое зрѣлище чувствительнымъ сердцамъ,
Когда простерли взоръ по бѣдственнымъ волнамъ?
Не воду въ кругъ судовъ, но кровь кипящу видятъ,
И слѣдствіе войны и славы ненавидятъ;
Згустился весь заливъ отъ плавающихъ тѣлъ!
Затворимъ очи мы отъ сихъ ужасныхъ дѣлъ;
Героевъ не война кровавая вѣнчаетъ,
Когда злодѣямъ ихъ погибель приключаетъ;
Но твердость на войнѣ вручаетъ имъ вѣнецъ,
А паче славитъ ихъ чувствительность сердецъ;
Такихъ въ сраженьи зрю и въ мирны дни Орловыхъ;
Достойны въ вѣчности вѣнцовъ они лавровыхъ!
Смущаемы своихъ нещастіемъ враговъ *,
Достигли во слезахъ Чесмесскихъ береговъ;

Тамъ

* Чувствительность сихъ героевъ, о нещастіи Турокъ всему свѣту извѣстна; оная и послѣ побѣды къ непріятелямъ оказывана.

Тамъ жалость новую и горесть обрѣтаютъ :
Тамъ кажется въ огнѣ поля и холмы таютъ ;
Возходитъ къ небесамъ съ луговъ горящихъ дымъ,
И кровь текущая повсюду зрится имъ ;
Тѣла разбросанны во кругъ бреговъ лежали,
Которы изъ огня на сушу убѣжали ;
Но тамо живота спасати не могли ,
Вездѣ оружїя губили ихъ и жгли ;
Тамъ кажется луга, взлы и горы стонутъ ;
Срацины въ глубинѣ пуская вопли тонутъ ;
Являя жизни знакъ и въ пеплѣ и въ пыли ,
Срацины рвутъ власы припавъ къ лицу земли.
Вїются враны тамъ надъ Турками высоко ;
Ихъ тѣни черныя во адъ ушли глубоко ,
И жизнь перемѣня свою на вѣчный сонъ ,
Магмеда въ немъ клянутъ, пуская тяжкїй стонъ.
Куда отчаянье нещастныхъ ни скрывало ,
Земля противъ Срацинъ и море воевало ,
И небо двигнулось , и бури противъ нихъ ;
Имъ въ смерть оружїя преобратились ихъ.
Удобна совершать побѣды таковыя ,
Небесная рука ; иль ты одна Россїя !
На бѣдность варваровъ Орловы посмотрѣвъ,
И крайности своихъ злодѣевъ пожалѣвъ ,
О слѣдствїяхъ войны свирѣпой воздохнули ,
И миръ и тишину златую вспомянули ,
Которы иногда пренебрегаетъ свѣтъ ,
И славою напасть всеобщую зоветъ.
О души кроткїя ! о вы серца любезны !
Россїя вамъ гласитъ „отрите токи слезны ;

„Вы

„Вы Туркамъ въ вѣчну ночь преобратили дни;
„Но бѣдствїю сему причиною они;
„Они противъ Меня Беллону вооружили;
„Они и Днепръ и Бугъ отвсюду окружили;
„Могли бы и Меня какъ Грековъ покорить.
„Героямъ свойственно злодѣевъ предварить,
„И наглой гордости у варваровъ убавить;
„Не ихъ пошли губить, вы насъ пошли прославить.
Внемлите музы мнѣ, внемли пространный свѣтъ,
Нашъ флотъ вооружить кто перьвый далъ совѣтъ,
Достойно соплести вѣнецъ сему герою;
Не хочетъ онъ того, молчитъ; я тайну скрою!
Сыны отечества, несущїя главы
За братїевъ своихъ; прославили насъ вы!
Запечатлѣли вы Россїйску славу кровью;
Возженны къ своему отечеству любовью,
Стремитесь защищать супругъ, друзей, сыновъ;
Но забываете о нихъ среди враговъ;
О! вы защитники отеческихъ селенїй,
И чадъ, и матерей, и славы, и имѣнїй;
Когда среди войны васъ грозна смерть ссѣчетъ,
Чадъ вашихъ, чадами Россїя наречетъ;
Когда оставленныхъ родителей лишитесь,
Отечество вамъ мать, вы къ братьямъ возвратитесь.
Вселенная теперь на васъ простерла взоръ,
О васъ теперь такой въ Европѣ разговоръ:
Вы прахомъ горду мысль Срацинску обратили,
За вѣру, за законъ, за Грековъ, отомстили,
Въ неволѣ страждущи утѣшили серца,
Достойны Россы вы лавроваго вѣнца.

Тамъ

Тамъ Слава съ громкими трубами въ кругъ летая,
Воздвигла вамъ трофеи у бурнаго Дуная;
Съ Румянцовымъ гремятъ Россійски имена,
И въ позныя они преходятъ времена.
Являютъ обелискъ разсыпанны Бендеры,
Тамъ вашей храбрости осталися примѣры;
Тамъ въ вѣкъ написано на башняхъ, на вратахъ:
Здѣсь Панинъ былъ, и громъ бросалъ онъ въ сихъ мѣстахъ.

Осталось въ вѣкъ твердить и Понту и Борею,
Какъ Россы храбрыя подвергли всю Морею;
И будетъ брань сія потомковъ во умѣ,
Котора съ флотомъ вдругъ горѣла при Чесмѣ.

Еще въ поляхъ стоитъ Россія со Перуномъ,
Еще союзъ хранитъ со Марсомъ и Нептуномъ,
Еще Архипелагъ отъ ихъ меча дрожитъ;
Но Крымъ еще у ногъ Монаршихъ не лежитъ;
Еще не въ мраморномъ плывутъ Орловы морѣ.
Стамбулъ ты можетъ быть главу преклонишь вскорѣ;
Священныя вѣнцы София вознесетъ;
И Мека ложныя гробницы не спасетъ.
Вскурятся наконецъ тебѣ пріятны ароматы,
Во Греческихъ церквахъ безъ дани и безъ платы.
И Нектаръ прежъ сего дарующій богамъ,
Безсмертно питіе отправитъ Хіо къ намъ;
Офиты древнія прейдутъ въ страны Россійски,
И сложатся изъ нихъ героямъ обелиски.
Услышимъ наконецъ веселыхъ голосъ лиръ;
Поющихъ въ торжествѣ полезный царствамъ миръ.
О! естьлибъ Марса всѣ забыли человѣки,
Давно бы потекли у насъ злашыя вѣки;

Но

Но близокъ можетъ быть на свѣтѣ день таковъ,
И Греки изъ своихъ исторгнутся оковъ.
Изъ вѣчныхъ книгъ сія пророчества читаю;
Увидимъ! . . . . я къ моимъ героямъ прелетаю!
Россійско солнце въ миръ выходитъ изо тьмы *;
И всѣмъ обязаны ЕКАТЕРИНѢ мы.

А вы кому стихи и лиру посвящаю,
Вамъ славу вѣчную я смѣло обѣщаю;
Васъ будутъ во умѣ потомки вображать;
Герои будутъ вамъ во бранях подражать;
Доколѣ чувствовать прямую славу будутъ,
Сраженья при Чесмѣ народы не забудутъ;
Преславныхъ вашихъ дѣлъ любитель и пѣвецъ,
Парнаскій заслужу и я себѣ вѣнецъ.

Печатана при Императорской Академіи наукъ
1771 года въ Іюлѣ мѣсяцѣ.

ПОПРАВКИ.

стран	строк.	напечатано.	читай.
9	2	мѣста.	мѣста,
10	26	искуствомъ.	искусствомъ
12	22	Ея	Ее
—	12	корабля ,	корабля ;
19	11	Монарховъ ;	Монарховъ ,
22	7	паруса	парусы
—	—	Турецкіе	Турецкія,
—	10	Свійскихъ,	Хіискихъ.
46	3	корабли ,	корабли ;

)o(

ОИК № 7673